

Глава I

ОЖИДАНИЕ

01 ноября, местное время 17:30. Камчатка. Учебный корпус мотострелкового полка, три километра к югу от поселка Мильково

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся, — срывающимся и хриплым от волнения голосом проговорил Сергей.

Карабин СКС, с которым он проходил присягу, казался тяжелым и неудобным во вспотевших от неожиданного

волнения ладонях. Он, встав на одно колено, нагнулся, чтобы поцеловать тяжелое красное полотнище знамени с поблекшими золотыми буквами «65-й отдельный батальон связи». Выпрямившись, он на негнущихся от волнения ногах встал в куцый строй, состоявший из пары десятков таких же молодых, как он, пацанов и девчонок. На смену ему, взяв у него из рук красную картонку с текстом, вышел Сашка, неловко перехватив карабин перевязанной рукой. Все происходило донельзя буднично, в столовой учебки, где были просто сдвинуты к стенам столы. Из зрителей были только несколько офицеров, дневальный и повара. И в то же время Сергей ощутил, как у него в душе что-то сдвинулось.

Когда все закончилось, к нему подошел капитан.

— Поздравляю, ребята. И готовьтесь к маршу, по приказу командира полка из состава учебной роты сформирован пулеметный взвод, который я должен отправить с батальоном связи на юг.

«Взвод... — с какой-то непонятной тоской подумал капитан. — Один грузовик и два ДШК, одиннадцать человек, из них только трое кадровых, остальные сопливые пацаны».

Через час Серега вел «газон» в составе куцей колонны батальона связи. В тесной кабине еще сидели Сашка и знакомый с утра лейтенант, который и оказался командиром новоиспеченного взвода. А в кузове на лавках вдоль бортов мерз остальной состав взвода, восемь человек, из которых по-настоящему военными были только два сержанта, а остальные — такие же знакомые ребята, с которыми еще вчера дрались или вместе ловили рыбу. Остальное пространство занимали пулемет, установленный на треноге прямо в кузове, еще один ДШК в сложенном виде и пара десятков ящиков, в основном с патронами. Погода, днем вроде бы солнечная, быстро портилась. В наступивших уже сумерках Сергей еле различал тусклые, в свете узких «военных» фар, катафоты шедшего впереди ЗиС-150. Хорошо, хоть скорость колонна держала тридцать километров в час, иначе бы он точно слетел с дороги на каком-нибудь повороте или въехал в идущий перед ним грузовик, — ви-

димось была отвратительной. Повалил обильный мокрый снег с дождем, Сергей обернулся в тыльное стекло кабины и невольно поежился. Парням в кузове еще хуже. Он порадовался за свою с Сашкой предусмотрительность, они смогли отыскать тент, хоть старый и с дырками, и дуги к нему. И выцарапать это все у кладовщика. И сейчас у людей в кузове хоть какая-то защита.

Еще через три часа его сменил Сашка. Колонна проехала всего шестнадцать километров, но какие это были километры! Три притока реки Камчатки и саму Камчатку пришлось форсировать вброд, сворачивая с дороги по уже размеченным саперами объездным путям. Если через речки, Первую и Вторую, Серега как-то сумел перебраться своим ходом, отчаянно буксуя по обледеневшим камням, то через более крупную и быструю Андриановку и саму Камчатку перебраться вброд на заднеприводном ГАЗ-51 мог, наверное, только очень опытный водитель. В составе батальона была пара полноприводных ЗиЛ-157, и они сыграли роль импровизированных тягачей при переправе. Цепляя на жесткой сцепке сразу по паре остальных грузовиков, они перетаскивали колонну через эти две полноводные реки. Связку из трех машин не сносило быстрым течением, да и водители страховали друг друга, когда одна из машин начинала буксовать или глохнуть. Но к тому моменту, как батальон оказался на левом берегу Камчатки, Сергей уже вымок от пота до трусов. Лейтенант посмотрел на его осунувшееся лицо и посадил за руль Сашку, благо, что дальше по дороге почти сто километров рек уже не было. Серега смутно помнил, как втиснулся на Сашкино место, узкий кусок сиденья между лейтенантом и ручкой коробки скоростей, и провалился в сон.

01 ноября, местное время 19:30. Камчатка. Трасса Елизово — Сокоч

Теплый тропический воздух, несущий запахи моря, приятно освежал обнаженные разгоряченные тела, смешив-

ваясь с терпкими ароматами женских дорогих духов. Джон всем своим существом ощущал, как под ним, изнывая от желаний, извивается женское тело. Слегка хриплый от сумасшедшего желания голос Мари сумбурно шептал ему на ухо: «Ох, Джонни, давай, не тяни. Возьми меня, быстрее! Да, да, да!» Одновременно он ощущал, как ласковые губы его женщины целуют его ухо, в кратких перерывах между безумным шепотом. Джон вошел в зовущее красивое женское тело, стараясь всем естеством слиться с такой желанной подругой. Вот Мари снова взяла губами его ухо, целуя его, одновременно охватывая его тело руками и ногами.

Но почему она так сильно тянет губами его ухо, она же сейчас его оторвет? В голове Джона словно взорвалась бомба, так сильно и внезапно накатила боль. И одновременно с этим, словно сдернули какие-то фантастические декорации, в мозг Джона хлынула новая информация от всех его органов чувств, напрочь смывая все прежние, такие приятные ощущения. Теплый воздух сменился леденящим пронизывающим ветром, вдобавок пахнущим гарью и кровью. Куда-то в одну секунду подевалась податливая женщина, лежащая под ним на шикарной мягкой постели, вместо этого Джон ощутил, что пытается ласкать и обнимать твердые, местами обледенелые, шершавые доски, вдобавок отвратительно воняющие целым адским букетом запахов, от тухлой рыбы до машинного масла. Очень сильно болела голова. Вдобавок ласковые губы его Мари превратились в грязные заскорузлые толстые пальцы, которые тянули его голову вверх. И наконец он услышал слова, окончательно выдернувшие его из мира приятных грез в существующую реальность:

— Янки, не надо трахать мой грузовик!..

Окончание фразы на русском языке потонуло в грубом хохоте, перемешанном с комментариями на том же языке. Джон поднял голову, огляделся и застонал от отчаяния. Оказывается, он лежал ничком в кузове потрепанного грузовика, на щербатых от частого использования и грязных досках. За ухо его дернул человек в замасленной солдат-

ской телогрейке. Еще в кузове, ближе к заднему борту, стояли три солдата в советской форме и с карабинами, а рядом с ним, скорчившись, сидели два человека в грязных и оборванных американских летных комбинезонах. Джон все вспомнил. Последний вылет, последний заход на цель, взрыв ракеты, катапультирование. Озеро, уже покрытое тонким льдом, в которое он угодил. Свою отчаянную борьбу за жизнь с ледяной водой этого озера и русских, к которым он в итоге попал. Удар прикладом карабина по голове, когда он потянулся за пистолетом. Он в плену. Его невеселые мысли оборвал мрачный голос одного из солдат:

— Давай руки ему свяжем!

С этими словами бойцы сноровисто связали ему руки сзади и потом посадили Джона рядом с такими же, как он, бедолагами. Конвоиры расселись на лавках, водитель в телогрейке, перепрыгнув через борт, полез в кабину. Подошедший офицер спросил у одного из солдат, показав на Маккейна:

— Вижу, он очнулся. Связали?

— Так точно, товарищ лейтенант!

— Тогда езжайте, вам надо проскочить до Усть-Больше-реца, пока темно и непогода. Янки уже начали за каждой машиной на дорогах гоняться.

29 октября, местное время 22:30. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Безымянная, две мили от береговой линии. Атомная подводная лодка US NAVY SSN-575 «Сивульф»

— Готовы?

Боцман подлодки еще раз посмотрел на трех человек, затаенных в облегающие костюмы с аквалангами за спиной. У их ног лежали герметичные тюки, в которых было все, без чего человек не может существовать в холодной и враждебной местности. Одежда, провиант, оружие, средства связи. Рядом, на рельсах загрузки в торпедный аппарат, уже лежал транспортировщик, по сути дела, представляющий обычно-

венную торпеду, только без боевой части и с уменьшенной скоростью хода. В руках они держали только короткие гарпунные ружья, чтобы не быть уж совсем безоружными в те минуты, когда они, под покровом ночи, будут выходить из приюта во вражеской бухте.

Средний человек, старший из этой троицы, молча кивнул.

— Ну, тогда до встречи, парни, и помогай вам Бог! С этими словами боцман отдал команду торпедисту, и тот открыл крышку торпедного аппарата. Старший группы диверсантов ловко, вытянув ружье перед собой, втиснулся в длинную трубу аппарата. Два матроса тут же подскочили к нему, захихивая его мешок вслед за ним в трубу, затем сноровисто заdraивая за ним герметичный люк. Дождавшись от человека, лежавшего в темной железной кишке, условного стука, торпедист открыл наружную крышку. Некоторое время ничего не было слышно, это было понятно. Диверсанту требовалось в крошечной тьме время, чтобы выбраться из узкой трубы наружу, в ледяную воду. «Надо быть дьявольски храбрым человеком, чтобы добровольно идти на такие вещи...» — подумал боцман, внутренне пожившись. Но вот, наконец, по корпусу лодки прозвучал тихий, двоянный стук. Это означало, что первый «морской котик» выбрался со всей своей амуницией, освободив торпедный аппарат. Торпедист тотчас же закрыл наружную крышку, открывая клапаны системы продувки сжатым воздухом воды из пустой трубы. Дождавшись, когда по показаниям индикатора воды в трубе не останется, он открыл внутреннюю крышку. Сжатый воздух зашипел, обдав всех стоящих в отсеке людей холодным соленым ветром. Боцман повернулся ко второму «котику», но тот уже лез в трубу. И все повторилось, и вот уже третий диверсант покидает теплый и освещенный отсек «Сивульфа». В последнюю очередь торпедисты закатали в торпедный аппарат транспортировщик. Наконец по корпусу лодки прозвучал последний сигнал — три коротких стука подряд. Это означало, что «котики» уже вытянули транспортировщик

за носовую скобу из аппарата, повесили на него весь свой груз и готовы уходить. Боцман отдал команду, торпедисты стали закрывать крышку, начиная готовить обычную торпеду к загрузке в этот аппарат. Когда твоя лодка лежит в дрейфе, чуть подрабатывая рулями и винтом, в двух милях от вражеского берега, лучше, чтобы все «копья» были в полной готовности. Боцман снял трубку внутренней связи с командиром лодки:

— Сэр, высадка закончена, все прошло успешно.

И «Сивульф», тихо стронувшись с места, не спеша ушел на восток, растворившись в морской глубине. Капитан, услышав доклад боцмана, облегченно вздохнул. Слава богу, они больше не дергают русского медведя за хвост, торча у вражеского берега на мелководье, как какой-то ненормальный кит, который решает, выброситься ему на берег, сведя счеты с жизнью, или еще немного подождать. Подводная лодка, прижатая к берегу на мелководье во время войны, — это легкая мишень для противолодочных сил врага. А если учесть, что этот берег вражеский, да еще находится неподалеку от главной базы флота противника в здешних местах, это вообще из ряда вон выходящий случай. И если бы не прямой приказ, пришедший с самого верха, командир «Сивульфа» не согласился бы на такой риск. Ведь мало того, что лодка торчала у бухты Безымянной без хода почти час, она при этом шумела, несколько раз продувая свой торпедный аппарат.

«А все потому, что "Сивульф" изначально был построен необычной лодкой...» — мрачно подумал капитан.

Атомная многоцелевая подводная лодка USS «Seawolf» SSN-575 была построена второй после первенца американского атомного флота, субмарины «Наутилус». И по проекту от нее ничем не отличалась, за одним исключением. Реактор. Двигательная установка «Сивульфа» несла наименование S2G и работала на жидком натрии в качестве теплоносителя первого контура. Экспериментальный реактор показал свой капризный нрав еще во время испытаний. Термические напряжения в трубах, по которым пода-

вался пар на парогенераторы, и коррозионное воздействие натрия на сталь привели к образованию трещин в трубных досках пароперегревателя и испарителя. В результате пришлось отключить пароперегреватель, за счет этого мощность энергетической установки снизилась на двадцать процентов. В итоге на испытаниях подводная лодка развила скорость хода ниже расчетной. Потом была авария с человеческими жертвами, произошла утечка радиоактивного натрия. В итоге был сделан вывод о неприменимости такого типа реакторов на флоте, а в декабре 1958 года жидкометаллический реактор был удален и заменен водо-водяным реактором. Тем временем были построены другие, более совершенные лодки, которые и занялись той работой, какой и должна заниматься уважающая себя современная торпедная субмарина. «Сивульф» же «задвинули» в обеспечение специальных операций флота, высаживать и принимать (иногда) подводных диверсантов, «морских котиков» или «тюленей», как называли на флоте головорезов с фирменной татуировкой на предплечье. Хотя в принципе лодка для этого не была как-то особо предназначена. Высадка проводилась через стандартные носовые 533-миллиметровые торпедные аппараты и поэтому, вот как сейчас, занимала много времени. Капитан снова вздохнул. У технического управления флота были в дальнейшем планы по замене «Сивульфа» в обеспечении специальных операций. Ее должна была заменить атомная лодка SSGN-587 «Halibut», еще один экзотический представитель американского атомного подводного флота. Первая, и она же последняя, лодка в несостоявшейся серии ударных лодок с крылатыми ракетами «Регулус».

Заложенная в 1957 году, «Халибат» была спущена в 1959-м, когда у стратегического командования появились другие любимицы: атомные субмарины с баллистическими ракетами «Пола рис», первая из которых, «Джордж Вашингтон», была введена в строй в том же году. Поэтому «Халибат» так и осталась единственной, время от времени выходя на патрулирование, но ее судьба уже была решена.

Как только будет достигнут уровень полной боевой готовности третьей серии ПЛАРБ типа «Лафайет», подлодку «Халибат» выведут из состава стратегических сил на переоборудование. Вместо крылатых ракет, запускаемых из здорового ракетного ангара, в этой зоне лодки установят большую водолазную камеру, что позволит выпускать всю группу боевых пловцов вместе со своим снаряжением одновременно. А не мучиться с торпедными аппаратами, как на «Сивульфе». И тогда, может быть, «Сивульф» все-таки станет нормальной боевой субмариной, а не «лежбищем для тюленей», как лодку уже называют некоторые флотские остряки.

02 ноября, местное время 03:30. Камчатка. Побережье Авачинского залива, бухта Безымянная, сорок миль от береговой линии. Десантный вертолетоносец LPN-2 «Iwo Jima»

Первый лейтенант морской пехоты США Эдвин Торчмэн еще раз взгляделся в лица бойцов его команды, уже сидевшей в тесном брюхе «Ретривера». Весь шумный и, на первый взгляд, беспорядочный период срочной подготовки его группы остался позади, и сейчас утекают последние секунды пребывания вертолета на огромной стальной палубе «Иводзимы», время, когда можно что-то еще вспомнить и исправить. Но все, в открытый проем сдвижной двери заглянул майор Кларк, командир дивизионной группы разведки, его начальник.

— Эд, твои парни готовы? — спросил он лейтенанта.

— Да, сэр, — лаконично ответил Торчмэн, стараясь выглядеть как можно спокойней. Он не был зеленым новичком, за его спиной уже многочисленные учения и даже одна боевая операция, высадка в Ливане, четыре года назад. Но все это было не то, подумал лейтенант, вспомнив недавний инструктаж полковника Симмонса, который прилетел на «Иводзима» с авианосной группой адмирала Холлоуэя. Вообще-то задача, которая была поставлена перед его группой,

ничем не отличалась от стандартной — предварительная разведка зоны высадки. Она включала в себя целый букет действий: от инженерной разведки и оценки состояния берега, где меньше чем через сутки будет высаживаться основной эшелон десанта, до разведки средств береговой обороны противника и, при необходимости, выдачи целеуказания авиации флота и корпуса для ударов по этим средствам. По данным разведки, в районе высадки у русских была как минимум одна стационарная береговая батарея крупного калибра. Но особенное внимание полковник просил уделить обнаружению береговых подвижных ракетных комплексов SSC-2B «Samlet».

— Наши парни на Кубе вообще проморгали наличие этих чертовых «Лососей»¹. И это привело к полному разгрому второй и четвертой дивизий. Я вас прошу, прочешите окрестную территорию как можно тщательнее. Помните, что эти ракеты имеют дальность около пятидесяти миль, так что район расположения этих мобильных комплексов, опасных для кораблей десанта, весьма ограничен. Мы посылаем, кроме вас, еще четыре группы, и вдобавок в районе высадки несколько дней назад флот высадил свою команду, коды для связи с ними вы уже получили.

И сейчас лейтенант, перед полетом к неизвестному берегу, полному опасностей, немного мандражировал. «Впрочем, какому, к черту, неизвестному?» — внезапно подумал он. Все последние часы, начиная со вчерашнего вечера, когда были уничтожены последние зенитные установки русских, разведывательная авиация корпуса буквально по метру прочесала район предстоящей высадки, выискивая подозрительные места, на которые тут же наводились флотские штурмовики; пара звеньев их постоянно висела в зоне ожидания неподалеку от берега. Этими же разведчиками были определены наиболее подходящие места для высадки с вертолетов разведывательных групп, в том числе и его пя-

¹Samlet — молодой лосось, кодовое наименование НАТО советского берегового противокорабельного ракетного комплекса 4K87 «Сопка».

терки. У них есть рация, и в любой момент они могут запросить поддержку с воздуха, если что-то пойдет не так. Так что «Семпер Фи!»¹, его «дубленые заливки»², справятся с любой задачей, какой бы трудной она поначалу ни казалась. Тем временем матрос из палубной команды закрыл сдвижную дверь, и вертолет, взревев двигателем, наклонив нос, поднялся в воздух.

02 ноября, местное время 05:35. Камчатка. Запасной КП штаба Камчатской военной флотилии, bunker в четырех километрах на юго-запад от города Елизово

Начальник контрразведки КВФ задумчиво сидел, рассматривая несколько бумаг у себя на столе. Все бумаги были похожи, они несли вверху одинаковый штамп: «216-й батальон радиоразведки и радиоэлектронной борьбы». На всех бумагах имелся текст: «передача длилась меньше 10 секунд, шифром, расшифровка не удалась». И главное, все радиопередачи, по данным группы пеленгации, исходили из одного района, куска побережья возле бухт Большая Саранная и Безымянная, с небольшим приращением. Отличались они только временем, первая датировалась ранним утром 30 октября, и дальше они продолжались размеренно, через двенадцать часов. А вот час назад в эфир вышли почти одновременно сразу шесть станций!

Он решительно снял трубку телефона:

— Дежурный! Соедините с начальником штаба флотилии. Спит? Будите немедленно! И свяжите меня с командиром погранотряда.

Через десять минут в кабинете начштаба встретились несколько человек. Еще сонный начальник штаба КВФ, не менее сонный полковник-пограничник, командир 60-го Вилючинского погранотряда, командир только что сфор-

¹Семпер Фи (сокращенно с латинского «Semper Fidelis») — «Всегда верен», девиз US Marines.

²Leathernecks, дубленые заливки — одно из прозвищ морской пехоты в США.